

Цинь Цю стоял у входа в океанариум с мрачным выражением лица. В одной руке он держал огромное ведро попкорна, в другой — бутылку воды. Его ноги были расставлены в форме иероглифа «восемь».

Несмотря на не слишком элегантную позу и не самое приятное выражение лица, его внешность была прекрасной: стройная фигура, детское лицо, пышная грудь, а темное платье в стиле «Лолита» воплощало собой образ соблазнительной школьницы.

Молодой человек, который просто сопровождал своего шаловливого ребенка в океанариум, не ожидал встретить здесь такую красотку. Не раздумывая, он подошел, чтобы познакомиться.

— Привет, красавица, ты одна?

Цинь Цю смерил его презрительным взглядом и проигнорировал.

Молодому человеку понравилась эта царственная холодность. Укротить высокомерную королеву и превратить ее в капризную, но ласковую кошечку — это было настоящим достижением.

Он не сдавался, игнорируя отказ и холодность красавицы, и продолжал пытаться заговорить.

— Ты тоже пришла посмотреть на дельфинов? Говорят, несколько месяцев назад сюда привезли двух новых дельфинов. Они очень умные и даже умеют кланяться, как будто поздравляют с Новым годом. Это очень мило и интересно. У тебя есть билеты? Кстати, билеты на шоу с дельфинами пользуются огромным спросом, их почти невозможно достать. Но у меня есть связи с директором океанариума, может, я проведу тебя внутрь?

Выражение лица Цинь Цю немного смягчилось, и молодой человек, увидев это, облегченно вздохнул, на лице появилась удовлетворенная улыбка.

Ледяная красавица начала таять. Не зря он так старался.

Когда молодой человек уже собирался обнять красавицу, Цинь Цю одарил его ослепительной улыбкой, которая на мгновение ошеломила его.

— Ай!

Молодой человек крепко прижал руки ко рту. Его довольно привлекательное лицо исказилось от боли.

Цинь Цю злорадно улыбнулся, наступая каблуком на пальцы ноги молодого человека, специально выбирая самый болезненный участок, чтобы боль не рассеивалась.

— Раскрой свои собачьи глаза и посмотри, я мужик или баба!

С этими словами он резко поднял ногу и сильно пнул молодого человека по икре. Закончив, он быстро развернулся и, словно маленькая птичка, бросился в объятия Ян Хэсюя.

Цинь Цю начал яростно колотить кулаками по груди Ян Хэсюя, капризно причитая:

— Дорогой, почему ты только сейчас? Пойдем скорее!

Ян Хэсюй, сквозь маску боли, обнял привязавшегося к нему, словно птенец, Цинь Цю и шагнул в океанариум, оставив молодого человека стоять на месте с глазами, полными слез. Тот с

обидой думал о двух огромных «грудях» Цинь Цю.

Разве он не знал, что у всех мужчин есть слабость к женской груди?

Цинь Цю, с натянутой улыбкой, еще более фальшивой, чем бумажная маска, прижался к Ян Хэсюю. Он шествовал, выгибаясь в преувеличенном фокстроте, странно и нелепо указывая пальцем вокруг и проявляя прихотливую избирательность.

Его вызывающее поведение было настолько раздражающим, что даже сотрудники океанариума не выдержали и подошли с просьбой вести себя тише.

Цинь Цю бросил взгляд на возмущенную толпу, а затем украдкой посмотрел на Ян Хэсюю, от которого явно исходил сигнал: «Если тебя начнут бить, я точно добавлю пинка». В итоге он решил прекратить свои выходки.

Он и так был в плохом настроении из-за того, что его заставили надеть женскую одежду, и хотел позлить Ян Хэсюю, выставив того дураком. Однако Ян Хэсюю оказался с толстой кожей, сохраняя спокойствие и даже выражая сочувствие. В итоге гнев толпы обратился на него, и люди больше сочувствовали Ян Хэсюю.

На лице Цинь Цю читалось отчаяние.

Неудача за неудачей. Он всего лишь случайно бросил фразу, которая разозлила Ян Хэсюю.

В тот момент лицо Ян Хэсюю было мрачным от ярости, и Цинь Цю на мгновение вернулся в прошлую жизнь, столкнувшись с разъяренным Ян Хэсюем, обнаружившим его побег.

К счастью, Цинь Цю поспешил объяснить, что сказал это на эмоциях, не подумав.

После этого он долго клялся и божился, а также подписал череду унижительных договоренностей, чтобы успокоить его.

Хотя Ян Хэсюю не придавал значения мужской девственности — ведь они оба были мужчинами, — он никак не мог терпеть, чтобы его содержанец смеял изменять ему за спиной и вешать ему рога.

Потратив некоторое время на успокоение Ян Хэсюю, Цинь Цю не мог не удивиться. Судя по характеру Ян Хэсюю, в прошлой жизни, обнаружив, что Цинь Цю крутит роман сразу с тремя, он должен был бы просто его уничтожить, а не делить с двумя другими.

Не только Ян Хэсюю, но и двое других были влиятельными особами столицы, людьми, стоящими на вершине пирамиды. Обнаружив его измену, они должны были бы сделать его жизнь невыносимой.

Подумав об этом, Цинь Цю наконец заметил странности прошлой жизни. Однако, проведя двадцать пять лет в заключении, он не смог догадаться об этом, думая только о побеге.

Это... как ни смотри, выглядит жутковато.

Но Цинь Цю не успел задуматься об этом подробнее, как Ян Хэсюю с хищной улыбкой потащил его переодеться... и делать всё, что захочет.

В конце концов остановились на этом темном платье в стиле «Лолита», после чего Ян Хэсюю, проявив извращенность, надел на него накладки для груди большого размера и бюстгальтер, и

они появились в океанариуме.

Под названием: «Свидание».

Когда Цинь Цю наконец успокоился, они вошли в туннель, со всех сторон окруженный прозрачным стеклом, за которым плавало бесчисленное множество морских рыб. Мерцал таинственный голубой свет, создавая странное и великолепное зрелище.

Пестрые рыбы и кораллы, внезапно выскакивающие из песка мелкие рыбешки, медленно проплывающие над головой черепахи и акулы — в моменты, когда они не охотились, они были красивы, как разноцветная картина.

Таинственный и величественный океан всегда вызывает восхищение и благоговейный трепет.

На лице Цинь Цю сияла счастливая улыбка, он не скрывал своей радости и удовольствия. Он прыгал и скакал, словно невинный ребенок. Его радость заразила и других посетителей туннеля; он то и дело забегал к другим людям, и они отлично ладили.

Ян Хэсюй, который сначала выглядел равнодушным, видя, как счастлив Цинь Цю, незаметно для себя почувствовал, что его тревоги улетучились.

В последнее время Цинь Цю вел себя перед ним естественно, не пытаясь льстить и угождать, как раньше, что вызывало пренебрежение. Более того, его иногда проявлявшаяся близость и интимность заставили Ян Хэсюя почувствовать уютное тепло, словно они провели вместе много времени.

Цинь Цю был то соблазнительным и чарующим, то наглым и хулиганистым, а сейчас вел себя как невинный ребенок; он был преподавателем боевых искусств в университете и обладал актерским мастерством, которое поражало даже Ян Хэсюя.

Цинь Цю ставил его в тупик, но в то же время пробуждал в нем желание исследовать его.

Еще раньше, когда Цинь Цю нарушил его правила и попытался использовать Ли Шицзя, чтобы проверить его границы, Ян Хэсюй уже думал о том, чтобы расстаться с ним.

Но он не ожидал, что в тот же вечер Цинь Цю не испугался, а наоборот... соблазнил его.

Хотя техника была немного неуклюжей, он действительно его задел.

В порыве настроения он повез его на съемочную площадку, тоже чтобы проверить чувства Ли Шицзя, но не ожидал найти там настоящую жемчужину.

Это его очень обрадовало и заставило по-новому взглянуть на Цинь Цю.

К настоящему моменту Ян Хэсюй не знал, что он чувствует к Цинь Цю; он только знал, что пока не может его отпустить, но сказать, что любит, тоже не мог.

Ведь Ли Шицзя был его самой красивой мечтой юности, и за долгие годы это превратилось в одержимость.

Думать, что Цинь Цю сможет вытеснить Ли Шицзя из его сердца, Ян Хэсюй считал невозможным.

Погрузившись в раздумья, он вдруг почувствовал, как Цинь Цю врезался ему в грудь. Опустив

взгляд, он увидел в глазах того чистую радость, подобную детской радости, и не заметил, как наклонился под влиянием какого-то чародейства.

— Ян Хэсюй, побыстрее... ммф—

Цинь Цю широко распахнул глаза, глядя на красивое лицо так близко; его губы были внезапно закрыты, и слова застряли в горле. Спустя некоторое время Ян Хэсюй отпустил его и, большим пальцем касаясь его широко открытых глаз, хриплым голосом произнес:

— В такие моменты нужно подстраиваться.

Цинь Цю тут же выразил презрение:

— На людях так открыто распускаться? Проявите хоть немного воспитания, господин Ян.

Ян Хэсюй издал довольный смех, и его грудь, прижатая к Цинь Цю, затряслась:

— Именно так. Здесь как раз разрешено распускаться на людях.

Услышав это, Цинь Цю повернул голову, но в ту же секунду был вновь схвачен Ян Хэсюем, который снова прижался к его губам. Хотя это был лишь беглый взгляд, он все же увидел вокруг множество пар, страстно целующихся.

В такой прекрасной, глубокой и романтической обстановке даже поцелуй казался чем-то романтическим и священным.

Раз уж так, Цинь Цю не стал ломаться и тут же обнял Ян Хэсюя за шею, чтобы целоваться с ним вволю.

Они словно соревновались, никто не хотел признавать поражение, поэтому целовались долго и страстно. Эта страсть была подобна сухим дровам и яркому огню, казалось, слышен треск пламени.

Жара в воздухе была настолько сильной, что казалось, вот-вот вспыхнет пламя. Это был поцелуй двух мужчин — страстный, но не лишенный нежности, дикий, но полный любви.

<http://bllate.org/book/16385/1483295>